

А. О. БУРАНОВ

**Русско-японская
война на страницах
«Самарских
епархиальных
ведомостей»**

«Самарские епархиальные ведомости» — один из старейших журналов Самарской губернии, издавался с 1 января 1867 г. «Одной из главнейших причин, вызвавших издание Самарских епархиальных ведомостей, было намерение помещать в них статьи, по словам пресвященного Герасима, “для вразумления блуждающих вне двора св. церкви и поддержания колеблющихся, по легкомыслию, в православной вере”; вообще же эти ведомости должны служить органом мыслей и дела собственно местной церкви»¹.

Журнал состоял из двух частей: официальной и неофициальной, в 1904–1905 гг. выходил два раза в месяц (1-го и 15-го числа), объемом 6–10 печатных листов. Официальная часть содержала распоряжения церковного начальства, сведения о награждениях, назначениях, перемещениях священнослужителей епархии, различные отчеты. Неофициальная часть включала ряд постоянных рубрик (*Речи и проповеди; Пастырская жизнь и деятельность; Миссионерский отдел; Школьный отдел; Литературный отдел; Библиотека священника; Церковная жизнь в других епархиях; Епархиальная хроника; Некрологи; Смесь*), в которых помещались различные статьи и заметки на зло-

бодневные для епархии темы. А. Б. Зубова² справедливо называет «Самарские епархиальные ведомости»

«зеркалом провинциальной жизни».

Впервые о Русско-японской войне читатели «Самарских епархиальных ведомостей» узнали из неофициальной части 4-го номера от 15 февраля 1904 г. Там помещены речь ректора Самарской Духовной семинарии архимандрита Вениамина³ о начале войны⁴, а также посвящены войне все заметки рубрики «Церковная жизнь в других епархиях». Священник видит в войне «ужасное бедствие», приносящее людям много «горя, бед, скорбей и страданий до смерти включительно»: сколько кормильцев должны бросить свои семьи, сколько благих государственных начинаний не будет реализовано. В данной же речи сформулирована версия начала войны и начинается формироваться образ врага: «...Россия, руководимая миролюбивым Монархом, воевать не хотела и всячески старалась устранить всякий повод к войне. <...> Желание России не осуществилось, усилия ее оказались тщетными, и благим нашим надеждам положен конец. Враг наш, не окончив переговоров и не выслушав нашего ответа на свои требования, даже не дождавшись его, внезапно “яко тать в ночи”, нападает на

наш флот и крепость и вносит в наши пределы разрушение и смерть. Необходимо отразить его, выгнать из наших пределов, чтобы он не осквернял святынь наших, не умерщвлял, не порабощал и не разорял братьев наших. Россия вынуждена начать с ним войну»⁵. Архимандрит Вениамин предвидит вопросы правоверных христиан, как им быть — соблюдать заповеди или, защищая отечество, убивать врагов. Он приводит слова Христа: «Больше сея любви никто же имеет, да кто положит душу свою за други своя». Сражаться с врагом, убивать его во имя своих близких, веры, царя и Отечества — христианин не только может, но и должен. Церковь и все православные в условиях военного времени должны помочь военным — участливым отношением к проезжающим на войну «солдатикам», облегчая им трудности далекого пути; заботиться об оставшихся женах и малых детях солдатских; пожертвованиями на Красный Крест; усердною молитвою.

В том же номере «Самарских епархиальных ведомостей» в рубрике «Церковная жизнь в других епархиях» помещены заметки о пожертвовании Святейшего Правительствующего Синода на ратное дело ста тысяч рублей. Для Синода начавшаяся война есть «година испытаний» по воле Божьей, «Российская церковь верует, великим упованием, что и ныне не оставит нас Господь и укрепит мышцу Державы Твоей [царя], и дарует нам победу и избавление»⁶, а церковь будет непрестанно молиться о даровании победы русскому воинству. В той же рубрике помещено Всеподданнейшее письмо Высокопреосвященного Антония, митрополита Санкт-Петербургского, в котором он делит народы на миролюбивые — христианские, и воинственные, немиролюбивые — языческие; японцев он называет язычниками. «Христианскому сердцу свойственно желание мира, нечестивый же язычник не знает такого чувства. И вот вероломный японец дерзнул поднять знамя брани против русского народа. Дрогнула негодованьем Русь Святая. Как волны моря, пронеслась по ней весть боевая. Умеет Русь мир хранить, но умеет и врага отразить.

<...> Дерзай Государь. <...> Будем молиться неустанно, но сумеем — как нужно будет — и умереть за Веру, за Тебя и Отечество. Располагай нами и имуществом нашим»⁷.

В «Самарских епархиальных ведомостях» этого письма нет, но показательно подобное же письмо митрополита Московского Владимира. В нем он вспоминает времена монгольского ига и благословение Сергием Радонежским князя Дмитрия перед Куликовской битвой. Интересно, что в начале XX века высокопреосвященник называет нынешних врагов России (хотя он использует термин «Русь») — японцев — потомками монголов: «И в наступившую тяжкую годину испытаний, когда потомки древних монголов дерзнули нагло оскорбить Русь Православную и разбойнически напасть на ее верных сынов...»⁸. Он дарит государю святую икону преподобного Сергия, уподобляя его героям XIV века: «Да поможет он и Тебе, Великодержавный Царь наш, победить современных монголов, врагов родной нашей земли»⁹.

Таким образом, версия православного духовенства о начале войны была сформирована уже в 4–5-ом номерах журнала, в них же окончательно оформился образ врага: «Настал день Божьего испытания для русского народа: нам объявили войну, и дерзновенною рукою язычников уже пролита русская христианская кровь»¹⁰. В последующих номерах образ врага специально не развивался, наоборот, с течением времени, с неудачным ходом войны, японцев стали рассматривать как хитрых, опытных, достойных противников; заговорили о христианах в Японии, о благожелательном отношении японцев к русским пленным.

Вернемся к журналу №4, где сообщается о первом молебне о ниспослании победы русскому оружию, состоявшемся 27 января в церкви Зимнего Дворца. «В предшествовании первых чинов Двора, шли Их Императорские высочества Государь Император шел под руку с Государыней Императрицей Марией Федоровной, Государыня Императрица Александра Федоровна с Государем Наследником и Великим Князем Михаилом Алек-

сандровичем. За Их Величествами следовали Великие Князья и Княгини»¹¹. Они совершили коленопреклоненную молитву, приложились к святому кресту и приняли окропление. «Трудно представить ту картину, когда Возлюбленный вождь народа с Императрицей Матерью и Императрицей Супругою после молебствия о ниспослании русскому оружию победы возвращался по залам Зимнего Дворца. Неописанный восторг охватил присутствовавших. Забились тысячи русских сердец, громовым раскатом покатилося русское «ура» и полилось оно по всем залам, по которым среди шпалер чинов и военных шли Их Величества и Их Высочества»¹².

В Самаре аналогичный молебен прошел в кафедральном соборе под руководством епископа Гурия¹³, в присутствии представителей военных и гражданских ведомств, дворянства, земства и городских обывателей. «Все присутствовавшие повергают к стопам Его Императорского Величества верноподданнические чувства и упования, что милость Господня непрестанно почует на главе Его Помазанника и что молитвами Заступницы Усердной, Святых русских Святителей и Блаженного старца Серафима, православное воинство не будет посрамлено иноверцами. Да найдет сердце Обожаемого Монарха, первого в мире призвавшего все народы к вечному миру, успокоение в сознании, что не Он нарушил, а всеми мерами оберегал его, в единении чувств, молитв и надежд, в котором пребывает стотридцатимиллионный народ со своим Самодержцем»¹⁴.

В последующих номерах «Самарских епархиальных ведомостей» Русско-японская война подавалась аналогично, т. е. в основном в неофициальной части — в рубрике «Церковная жизнь в других епархиях», которая представляла собой заметки, перепечатанные из других изданий; причем вопросы о войне часто связывались с темой священника на войне, веры в Бога на войне, жертвенности. Надо сразу оговориться, что тема войны не была ведущей для журнала: в нем за все полтора года войны не появилось ни одной аналитической статьи, посвя-

щенной конфликту. «Самарские епархиальные ведомости» больше интересовались вопросами вероучения, церковной жизни. При этом можно выделить периоды повышенного внимания к Русско-японской войне (№ 4, 5, 7, 8, 18, 21, 24 за 1904 г. и № 3, 13 за 1905 г.) и падение интереса к данной теме, вплоть до нулевой отметки (№ 6, 9–17, 19, 20 за 1904 г. и № 4–12, 14–20 за 1905 г. — с этого периода главными темами журнала становятся грядущая церковная реформа, начавшаяся революция, хотя отдельные заметки о войне появляются вплоть до № 20 от 15 октября 1905 г.). Однако, именно материалы данного издания могут дать некоторое представление о взглядах и отношении к войне церковного сословия.

Одной из центральных тем в связи с войной была тема пожертвований, помощи воинам, раненым, солдатским семьям, сиротам. Уже в первых материалах, помещенных в 4–5-ом номерах, содержатся призывы жертвовать деньги на ратное дело, приводятся примеры благотворительности церковных и светских лиц и учреждений. «...Организация православной церкви с низовым звеном в виде церковного прихода являлась готовой структурой по сбору пожертвований любым обществом, ведомством, министерством. Им не надо было создавать свою систему. Классическим примером такого сотрудничества являлся союз православной церкви с Российским обществом Красного Креста»¹⁵. В рубрике «Епархиальная хроника», посвященной церковной жизни Самарской епархии, помещена заметка «Пожертвования на нужды военного времени», в которой самарское духовенство постановило жертвовать ежемесячно деньги с приходов на нужды действующей российской армии, а от самарских церквей единовременное пожертвование на те же цели составило 1557 рублей. Кроме того, самарское духовенство обязалось усердно молиться о даровании победы русскому христианскому воинству. Жертвенность можно подразделить на несколько жертв: деньги, жизнь, вещи, труд. Православная церковь на страницах «Самарских

епархиальных ведомостей» призывала ко всем данным «жертвенным группам». Причем, в начале войны призыв сводился к сбору средств на различные нужды, связанные с Русско-японской войной; «жертва жизни» развивалась позднее и связана с героической темой (описания подвигов священников, реже солдат, уверовавших в Бога). «Детская молитва и жертва»¹⁶ — призыв грузинских священников к детям, обучающимся в церковно-приходских школах усердно молиться и жертвовать средства на нужды воинов на Дальнем Востоке. «Общее приходское дело» и «Духовный концерт»¹⁷, «Обручальное кольцо»¹⁸, «В пользу раненых воинов»¹⁹, «Что может сделать одна копейка»²⁰ — это лишь некоторые названия заметок рубрики «Церковная жизнь в других епархиях», характеризующих денежную жертву.

Вещевая жертва характерна для зимнего времени, когда, прознав про тяготы и лишения простых солдат и офицеров, вызванных холодной погодой и скверным снабжением, священники призывали прихожан и просто сердобольных людей отправлять посылки с самыми необходимыми теплыми вещами на Дальний Восток: «Нужды воинов нам теперь известны. Настает зима. Одежда у них холодная, а если и выдана из казны теплая, то она скоро изнашивается. Посему благовременно приобрести на собранные деньги для каждого из своих односельчан самые необходимые зимние вещи: валенные сапоги, чулки, овчинную куртку, рубашку и кальсоны. Приятно для воинов получить подарки вроде чая, сахара и необходимо каждому приложить от родных письмо. Если сделать этот сбор сейчас и послать немедленно, то они получатся на празднике Рождества Христова и доставят воинам великое утешение»²¹. В письмах советуется писать только о хорошем, тогда воины успокоятся и будут лучше исполнять свой долг. Священники должны служить панихиды по убитым воинам своего прихода.

Описание, призыв трудовой жертвы появляется с лета 1904 г. — пропагандируется отправка на фронт летучих отрядов сестер

и братьев милосердия из числа священнослужителей, освещается их работа в лазаретах и больницах как на театре военных действий, так и внутри страны. «Монастыри на службе миру»²² — о помощи монахов Ново-Афонского монастыря и новгородских монахинь, которые послали на Дальний Восток по одному летучему санитарному отряду. «Семинаристы добровольцы»²³, «Больница для раненых»²⁴, «Епархиальный лазарет для больных и раненых воинов»²⁵, «Иноки на войне»²⁶. Как видно, особенное развития данная тема получает в конце 1904–1905 гг., когда массы раненых двинулись обратно на родину и нуждались в продолжении лечения и реабилитации.

Тема патриотизма связывалась с возвышенным религиозным чувством, когда ввиду опасности весь народ должен был сплотиться вокруг Веры, Царя и Отечества. «Теперь все мы — одна семья, один народ, один дух, одно сердце, одна стена против врагов, одно поминальное кадило за православного Царя и его воинов»²⁷. В №15 от 1 августа 1904 г. рассказывалось, как начавшаяся война способствовала усилению православной веры в г. Омске, когда офицеры, солдаты, горожане устремились в церкви и стали усердно молиться о даровании победы России, о спасении и сохранении жизни своей и близких. Неоднократно были заметки о солдатах, которые, находясь на поле боя, под градом пуль и ужасающим ревом снарядов, уверовали в Бога и тем спаслись, выйдя из самых невероятных и страшных ситуаций живыми и невредимыми. Таким образом, тема патриотизма очень близко подходит к теме героя, подвига на войне. «Самарские епархиальные ведомости» демонстрируют изрядную корпоративность, так как рассказывают исключительно о подвигах священнослужителей на войне. Героическая тема открывается рассказом об отце Иване, священнике 11-го восточно-сибирского стрелкового полка, воодушевившем солдат в штыковую атаку во время сражения на берегах Ялу²⁸. «Славные предки» — пропаганда истории военных священников. «Место священника во время

войны — на перевязочном пункте. Он ободряет раненых, напутствует умирающих. Быть в огне зависит от его доброй воли...»²⁹ Однако, более 100 священников были награждены наперсными крестами на Георгиевской ленте, а пятеро — Георгиевскими крестами 4-й степени: протоиерей Кудинский в 1790 г. за штурм Измаила, Василий Васильковский в 1812 г. при Витебске, Иов Каминский за переправу через Дунай в 1829 г., Иоанн Каминский за штурм турецких крепостей по Дунаю в 1854 г., иеромонах И. Соколов за действия в составе флотского экипажа в Крымскую войну. «В число героев священников вступил теперь священник 11-го восточно-сибирского стрелкового полка, одушевивший 18 апреля солдат на берегах Ялу»³⁰. Из следующего номера мы узнаем имя героя — отец Стефан Щербаковский. В Самарском областном художественном музее хранятся 11 лубков³¹, посвященных сражению на реке Ялу, и особой популярностью пользовался сюжет, связанный именно с подвигом священника 11-го стрелкового полка о. С. В. Щербаковского, который своей молитвой воодушевил солдат подняться в атаку. Также на страницах «Самарских епархиальных ведомостей» рассказывается о подвигах о. Парфирия, о. Ремизова, А. Любомудрова, о. Иоанна и др. «Конечно, приведенными примерами мы далеко не исчерпали всех подвижнических трудов нашего духовенства на театре военных действий. Но и сказанного уже достаточно для того, чтобы порадоваться за нашу армию, за наших страждущих воинов, многие и многие из которых имеют, одни молитвенное утешение в своих страданиях, другие — возможность предсмертного покаяния и причастия тела и Крови Христовой от достойных пастырей Православной церкви»³². Для героической темы характерна еще одна особенность — с неблагоприятным течением войны «Самарские епархиальные ведомости» не спешили менять героев, т.е. во времена Ляояна, Шахе, Мукдена продолжали прославляться подвиги времен Ялу, Тюрнечена и начала обороны Порт-Артура.

Помимо священнослужителей, особо отмечены подвиги вице-адмирала С. О. Макарова, генералов А. Н. Куропаткина и Р. И. Кондратенко. «Самарские епархиальные ведомости» писали об отправлении и путешествии на Дальний Восток первых двух, а когда стало известно о гибели С. О. Макарова, то были напечатаны заметки о панихиде в Санкт-Петербурге и в Самаре. «В субботу на Пасхе, 3 апреля, Его Преосвященство совершил заупокойную литургию с панихидой по окончании ее, об усопшем вожде Стефане Осиповиче Макарове и воинах, живот свой положивших за веру, Царя и отечество на Дальнем Востоке. На панихиде присутствовали г. Начальник Губернии, Вице-губернатор, городской голова, начальники различных ведомств и много почетных лиц города»³³.

С публикации панихиды по адмиралу Макарову четко прослеживается тема трудностей, лишений, страданий на войне, которая особенно сильно звучит зимой и связана с посылкой теплых вещей в армию, а также падением Порт-Артура, вызвавшего настоящий шок по всей стране. Для примера приведем заголовки заметок в рубрике «Церковная жизнь в других епархиях» зимних номеров журнала: «Пребывание раненых воинов в лазарете военного духовенства», «Освящение лазарета», «Помощь монастырей раненым», «Воззвание о помощи», «В пользу раненых воинов», «За сирот», «Похороны на войне»³⁴; «О посылке теплых вещей в армию, собранных по призыву священника», «Больница для раненых», «Панихида по убиенным защитникам Порт-Артура»³⁵; «Проводы солдат на войну»³⁶...

Становится возможным появление заметок показывающих негативные стороны кампании. «Из письма Преосвященного Иннокентия» мы узнаем о распушенности нравов в Дальнем и Харбине: «Чтобы ободрить и подкрепить упавший дух жителей в гор. Дальнем, я неоднократно призывал их в молитве к покаянию. Но мало кто внимал моему голосу; лишь только смолкали страшные раскаты орудий, народ шел не в церковь, а наполнял непотребные места»³⁷. Харбин:

«Уличная непролазная грязь вполне гармонировала с полной нравственной распушенностью города. Нельзя было показаться на улице, чтобы не встретиться с пьяным обывателем и не услышать уличной брани»³⁸. В тексте не сказано о Содоме и Гоморре, но аналогия с ними очевидна, каждому православному должно было стать ясно, почему пал город Дальний.

Показателен рассказ «Волна в степной глуши»³⁹, в котором рассказывается о проходах новобранцев на войну одного из сел Самарской губернии. Весть, пришедшая ранним утром, всколыхнула все село, нормальное течение жизни прервалось. Слезы, разговоры, пересуды, плохо скрываемое недовольство, беспокойная ночь. Наутро толпа сельчан подступила к церкви, около которой было место сбора новобранцев. Священнику пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить народ; последовали коллективная молитва и слезное прощание. На этот раз все закончилось относительно благополучно и мирно, однако, и в этой заметке, помещенной в консервативном, православном журнале, можно найти следы недовольства войной как народа, так и автора и редакции «Самарских епархиальных ведомостей» — в начальный период таких сообщений в журнале встретить невозможно. Еще одно подтверждение тому — слова из письма священника 51-го драгунского полка Митрофана Серебрянского: «Господи, когда мы вернемся опять в нашу милую Россию?!»⁴⁰

О сдаче Порт-Артура самарцы узнали 23 декабря из «Самарской газеты». Статья называлась «Самара, 23 декабря 1904 г.»⁴¹. Необходимо отметить гневный, обличительный характер статьи. По своему духу она близка листовкам эсеров и социал-демократов. Епископ Константин⁴² отслужил панихиду по убиенным защитникам Порт-Артура 2 января в кафедральном соборе г. Самары, одновременно панихиды служились во всех церквях города. Он отметил, что невозможно описать всех подвигов защитников крепости, «которые они с полным терпением и самоотвержением переносили столь продол-

жительное время», невозможно без боли в сердце читать газетные сообщения об них. «Эти строки, читаемые на кровавых печальных страницах войны, проливают отраду и утешение в наше сердце. Эти строки говорят нам, что нельзя не верить в торжество России, если есть у нее столь доблестные сыны. Читая эти строки, нельзя не сказать: с нами Бог, наказующий нас за грехи наши, но не гневающий до конца; с нами Бог, воздвигающий в нашем отечестве мужей по сердцу своему — людей глубокой веры, беззаветного долга, беспредельной любви к Царю и отечеству»⁴³.

Воззвание Святейшего Правительствующего Синода, данное приложением к №2 «Самарских епархиальных ведомостей», связывает воедино тяжелые испытания, постигшие Отечество — неудачную войну и начавшуюся революцию. Правда, Синод не называет войну неудачной, а говорит лишь о временных неудачах, веря в окончательную, пусть и не такую скорую, победу русского оружия, а применительно к революции используется термин «беспорядки». «Христолюбивое воинство наше явило миру чудеса храбрости и терпения в отдаленной и чуждой стране. Невзирая на доблесть героев-защитников, пала твердыня наша на Дальнем Востоке — крепость Порт-Артур и, по воле Божьей, не настал еще конец борьбы, на которую должны быть собраны все народные силы. <...> Но вот, новое испытание Божье, горе — горше первого постигло наше возлюбленное отечество. В столице и других городах России начались стачки рабочих и уличные беспорядки»⁴⁴. Как видим, тон сообщений церкви значительно поменялся — земля, ради которой идет противоборство, уже Русью, даже Россией не называется, не считается исконно нашей, а именуется «чужой стороной»; конца войне не видно, а поначалу «многие, в своей гордости и самонадеянности, думали легко и скоро победить врага».

В 1905 г. интерес к войне со стороны «Самарских епархиальных ведомостей» значительно снижается, отдельные заметки, прав-

да, появляются до середины октября (№ 20), но темы церковной реформы и революции, а за ней государственных преобразований затеяют далекую неудачную войну. Отдельные призывы к миру появлялись на страницах журнала с середины 1904 г., в начале 1905 г. этот вопрос обсуждался почти открыто, из заметки в заметку печатались материалы, суть которых — стране, народу нужен мир, тяжела для них война. Однако, когда мирные переговоры стали реальностью, «Самарские епархиальные ведомости» публикуют заметку «Ответ Государа оренбургскому духовенству»⁴⁵, в которой содержится призыв к Николаю II не заключать позорного для России мира. Если учесть, что мирные переговоры в журнале никак не освещались, и сообщения о заключении Портсмутского мирного договора не было, то приходится предположить, что самарское духовенство было солидарно с оренбургским и желало или продолжения войны, или более достойных условий примирения. Лишь 15 октября в № 20 опубликована заметка «Молебствие в Портсмуте», в которой излагаются трудности, возникшие у православного духовенства в организации молебна по случаю заключения мирного договора.

Итак, мы рассмотрели тематику «Самарских епархиальных ведомостей», связанную с сюжетом Русско-японской войны. Журнал не был призван информировать читателей о событиях на театре военных действий, у него другие функции. Как информационный орган, он в первую очередь освещал события самарской епархиальной жизни, далее — церковной жизни всей страны, и затем шли светские сюжеты. Война получала отражение лишь в связи с деятельностью лиц духовного сана, рассматривалась только под этим углом зрения. «Самарские епархиальные ведомости» в своих заметках и сообщениях на военную тему были призваны не столько информировать читателя, сколько назидать, поучать, направлять на путь истинный. Все такие материалы служили укреплению формулы «За Веру, Царя и Отечество». Церковь была мощным институтом

укрепления самодержавия, и журнал осуществлял официальную пропаганду.

¹ Алабин П. В. Двадцатипятилетние Самары как губернского города. Самара, 1877. С. 156.

² Зубова А. Б. «Самарские епархиальные ведомости» как явление провинциальной культуры // Пятыне Иоанновские чтения памяти высокопреосвященного Иоанна, митрополита Санкт-Петербургского и Ладонежского. 9 октября 2000 г. Сб. науч. трудов. Самара, 2001. С. 58.

³ Священномученик Вениамин (Казанский), будущий Митрополит Петроградский и Гдовский, возглавлял Самарскую Духовную семинарию с 1902 по 1905 г. (Игумен Вениамин (Лабутин) Краткая история Самарской епархии. Доклад на празднование ее 150-летнего юбилея. Самара, 2001. С. 4–5.)

⁴ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. № 4. С. 255–258.

⁵ Там же. С. 256.

⁶ Отклики русской земли на царское слово о войне с Японией. СПб., 1904. С. 8.

⁷ Самарские епархиальные ведомости.... Неофициальная часть. 1904. № 4. С. 286.

⁸ Отклики русской земли на царское слово о войне с Японией. С. 16.

⁹ Отклики русской земли на царское слово о войне с Японией. С. 16.

¹⁰ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. № 5. С. 342.

¹¹ Там же. С. 284.

¹² Там же. С. 284.

¹³ Епископ Гурий (Буртасовский) возглавлял Самарскую епархию с 1892 по 1904 г. Активный миссионер. Защищал догматы церкви, из-за чего поссорился с губернатором, нажил врагов среди самарского образованного общества. «К началу века он пользовался всероссийской репутацией церковного реакционера и мракобеса; но много у него было и поклонников, были и духовные дети» (Подвижники Самарской земли. Самара, 1995. С. 254.).

¹⁴ Отклики русской земли на царское слово о войне с Японией. С. 260.

¹⁵ Филиппов С. А. Благотворительная деятельность русской православной церкви (начало XX в. Самарская губерния) // Пятые Иоанновские чтения... С. 64.

¹⁶ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №7. С. 433–434.

¹⁷ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №7.

¹⁸ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №23.

¹⁹ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №24.

²⁰ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №6.

²¹ Что нужно делать духовенству в своем приходе в нынешнее тяжелое для России время? (Тамбов) // Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №24. С. 1130.

²² Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №14.

²³ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №22.

²⁴ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №1–2.

²⁵ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №7.

²⁶ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №9.

²⁷ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №5. С. 343.

²⁸ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №10.

²⁹ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №11. С. 603.

³⁰ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №11. С. 604.

³¹ Подвиг священника Щербаковского в бою при Тюренчене. Лит. т-ва И. Д. Сытина в Москве // СОХМ. Фонд «Рисунок (лубок». Инв. №1371; Русско-японская война. Лит. т-ва И. Д. Сытина в Москве // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1387; Японец лезет на Ялу. Хромо-лит. Морозова // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1423; Поражение разведочной партии японцев при высадке на левый берег р. Ялу. Лит. Стрельцова // СОХМ.

Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1457; Геройское сражение 11-го полка на р. Ялу. Лит. Щеглова // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1500/1; Бой под Тюренченом. Изд. типо-лит. Русского товарищества печати и издательского дела // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1370/1; Сражение при Тюренчене. Лит. т-ва И. Д. Сытина в Москве // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1383; Бой при Тюренчене. Лит. Морозова // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1432; Бой при Тюренчене. Лит. Коркина // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1433; Сражение под Тюренченом. Лит. Стрельцова // СОХМ. Фонд «Рисунок — лубок». Инв. №1460; Геройский подвиг священника о. Щербаковского. Лит. Иванова // СОХМ. Фонд «Рисунок (лубок». Инв. №1495.

³² Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №21. С. 1033.

³³ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №8. С. 485.

³⁴ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №24.

³⁵ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №1–2.

³⁶ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №3.

³⁷ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №11. С. 848.

³⁸ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №11. С. 848–849.

³⁹ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №1–2.

⁴⁰ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1904. №11. С. 900.

⁴¹ Самара, 23 декабря 1904 г. // Самарская газета. 1904. 23 декабря. С. 2.

⁴² Епископ Константин (Булычев), сменил Гурия на самарской кафедре. Был епископом Самарским с 1904 по 1911 г.

⁴³ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №3. С. 56.

⁴⁴ Приложение к Самарским епархиальным ведомостям №2. С. 2.

⁴⁵ Самарские епархиальные ведомости: Неофициальная часть. 1905. №15.